

КОММЕНДАЦИЯ И ПРАВОПОРЯДОК В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

А. Ю. Золотарев

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 18 апреля 2017 г.

Аннотация: рассматриваются правоохранные аспекты института коммендации в раннесредневековой Англии. Отмечается, что в поздний англосаксонский период коммендация оказалась важнейшим средством поддержания правопорядка в государственно-организованном обществе.

Ключевые слова: Средние века, Англия, англосаксы, феодализм, коммендация, клятва верности, законодательство, полиция.

Abstract: *the article deals with a law-enforcement aspect of an institute of commendation in Anglo-Saxon England. An author draws attention to that fact that in the late Anglo-Saxon age commendation became an essential tool of keeping law and order in a state-like society.*

Key words: *Middle Ages, England, Anglo-Saxons, feudalism, commendation, oath of fidelity, legislation, police.*

Согласно «Советской исторической энциклопедии», коммендация – это «договор, скреплявший акт отдачи себя под покровительство более сильного, становившегося патроном коммендирующегося». Далее автор статьи (к сожалению, она анонимна) отмечает, что «институт коммендации, устанавливавший отношение личной зависимости коммендирующегося от патрона, оформлял весьма различные реальные отношения». А именно, во-первых, «представлял собой акт признания вассалом своего подчинения власти сеньора», за которым следовала клятва верности и пожалование вассала бенефицием (или феодем); во-вторых, «коммендация юридически оформляла зависимость крестьянина от феодального землевладельца» путем отдачи первого под патронат (покровительство) последнему [1, с. 575–576]. То есть под коммендацией предлагается понимать отношения, неравенства, господства и подчинения, устанавливаемые как внутри господствующего класса, так и между представителями господствующего класса и других, более низких социальных слоев.

Выражение «se commendare» можно встретить у античных авторов, в виде существительного «commendatio» – в эпоху Каролингов. Впоследствии (с XI–XII вв.) это слово было вытеснено термином «homagium», а также «hulde» и «manscar» (в немецкоязычных регионах), за исключением Италии, где «commendatio» было употребительно вплоть до позднего средневековья включительно [2, S. 1969–1971].

В Англии периода раннего средневековья какого-либо термина для обозначения интересующего нас явления не существовало. В этом смысле можно говорить, что англосаксонская коммендация – это

историографический конструкт. В текстах используются описательные конструкции, когда говорится о том, что кто-то отдался под чье-то покровительство. Например: «И мы провозглашаем относительно тех людей, у кого нет господина (hlafordleasan mannum), тех, от кого нельзя добиться справедливости, что следует приказать их родне доставить их для правосудия и при собрании народа найти ему покровителя (hlaford)» (II As., 2) [3, p. 150]. Или же просто говорится, что кто-то является (стал) чьим-то человеком. В одном из текстов начала XII в., являющихся переводом на латынь древнеанглийского источника 970–980-х гг., употреблено выражение «homagium fecit», но это, очевидно, уже континентальное влияние [4, с. 193]. По всей видимости, в документах на древнеанглийском это называлось «manngædenn», словом, которое неоднократно засвидетельствовано в нарративных текстах [5, p. 669].

Социальные связи между клиентами и патронами играли важнейшую роль в жизни архаического общества, свидетельством чему является раннесредневековая Ирландия [6, с. 48–50]. Англия англосаксонской эпохи в этом отношении чрезвычайно ее напоминала. Как свидетельствуют законы Инэ (конец VII – начало VIII в.), патрон мог ходатайствовать перед королем или королевским элдорменом за своих людей, совершивших преступление, причем как свободных, так и несвободных (Ine, 50) [3, S. 110–111]. А самим клиентам под страхом штрафа было запрещено тайно, без разрешения менять себе господина. Господин был поручителем за своего клиента: в случае совершения им какого-либо злодеяния он гарантировал выплату им предусмотренного правом возмещения (Ine, 39) [Ibid., S.106]. Клиенты составляли вооруженную свиту своего господина и готовы были драться за него

на смерть. «Англосаксонская хроника» в статье за 757 г. донесла до нас красочный рассказ о такой верности. Речь идет о вооруженном столкновении дружин двух претендентов на престол королевства Уэссекс Киневульфа и Кинехерда, в результате которого погибли и они все, и их господа [7, р. 46–49].

И более позднее время идея верности своему господину была значима для англосаксов. Король Альфред Великий (871–899 гг.) в своем судебнике разрешал сражаться за своего господина, за своих людей и за своих родственников, но не против своего господина (Af., 42.5–42.6) [3, S. 76]. А в кодексе Кнута Великого (1016–1036 гг.) сказано, что наследник того, кто пал за своего господина, освобождается от уплаты хериота (платеж лорду при вступлении в права наследства); и, напротив, тот, кто трусливо сбежал от своего господина, лишается всего, чем владеет, и своей жизни, а его держание переходит к лорду (II Cn., 77–78) [Ibid., S. 364]. Реальные события, отраженные в нарративных текстах, демонстрируют, что верность и служба лорду были одними из наибольших ценностей англосаксонского общества X–XI вв. [8, р. 69–70].

Большая свита не только обеспечивала вооруженную защиту своему господину и кровную месть за него. Как недавно было замечено Ж. Молино, в погоне за высоким социальным статусом землевладельцы в ту эпоху могли умышленно завышать имеющееся у них количество земли. Это влекло за собой не только некоторое, довольно умеренное, увеличение повинностей, но и высокий вергельд, а также более весомую клятву [9, р. 96–97]. Это было важно и в земельной тяжбе, и в случае выдвижения обвинения в совершении тяжкого преступления. Состязаться с таким противником человеку более низкого социального статуса было сложно. Законы Инэ демонстрируют такую зависимость достаточно наглядно. Королевский генит, если его вергельд составлял 1200 шиллингов, имел клятву, равную 60 гайдам (Ine, 19) [3, S. 96]. Этого было достаточно, чтобы очиститься от обвинения в воровстве, и это составляло половину от того количества, которого было достаточно для принесения клятвы в случае обвинения в «тайных сделках» (видимо, в обход уплаты торговых пошлин) и убийстве (Ine, 46; 52–54) [Ibid., S. 108, 112–114].

Надо полагать, что недостающее количество соприсяжников патрон набирал из своих людей, сила клятвы которых была пропорционально ниже. Намек на это есть в тех же законах Инэ: в них сказано о человеке, который присягает за 30 гайд (Ine, 54), видимо, он относился к промежуточной категории лиц, чей вергельд оценивался в 600 шиллингов. Однако эксплицитно это выражено в более позднем (начало XI в.) тексте, вышедшем из-под пера архиепископа Вульфстана: «Клятва человека с вергельдом

1200 шиллингов равна клятве шести керлов; и если за него будут мстить, то полная месть будет на шести керлах, и его вергельд – это вергельд шести керлов» (Að, 1) [Ibid., S. 464]. Надо думать, что клятва керла с вергельдом в 200 шиллингов во времена Инэ была равна 10 гайдам. При этом вряд ли эта «единица измерения» клятвы имеет прямое отношение к гайде как к единице измерения земельной площади, поскольку в норме считалось, что керл владеет одной гайдой.

Возможно, что норма, приведенная в указанном тексте, является конструктом, плодом ученых упражнений Вульфстана, но соотношение вергельдов уилей (валлийцев, подвластных королям Уэссекса) и оценки их имущества в гайдах в законах Инэ подтверждает, что и за триста лет до него понимание указанной пропорции было близким. Уиль, имевший пять гайд (Вульфстан указывал это количество как пропуск в сословие тэнов (Gerincdo, 2) [Ibid., S. 456]), обладал вергельдом в 600 шиллингов (Ine, 24.2) [Ibid., S. 100], т. е. в два раза меньше, чем тэн времен Вульфстана и королевский генит (гезит) времен Инэ (Ine, 19; 51). При этом во столько же оценивался вергельд сакса из промежуточной категории между благородными и керлами (Ine, 70). Существование этой категории, равно как и ее исчезновение после IX в., представляет собой загадку, заслуживающую самостоятельного исследования [8, р. 1–2; 9, р. 97]. Во времена Инэ отличительной чертой принадлежности к ней была военная служба королю, но без достаточного количества земли (Ine, 51) [3, S. 112]. Те уиля, которые среди своих соплеменников занимали такой же промежуточный статус, также характеризуются в законах уэссекского короля своей службой ему. Их вергельд равен 200 шиллингам, что в три раза меньше уиля с пятью гайдами, но столько же, сколько вергельд керла (Ine, 33) [Ibid., S. 102]. Наконец, вергельд уиля с одной гайдой был равен 120 шиллингам (Ine, 23.3; 32) [Ibid., S. 100, 102], что почти в два раза меньше вергельда керла, отличительным признаком которого было обладание одной гайдой земли (Ine, 34.1; 70; Af., 29–31; AGu., 2) [Ibid., S. 64, 104, 118, 126]. То есть вергельд уиля, владевшего пятью гайдами, был в пять раз больше, чем уиля с одной гайдой, что близко к соотношению 1 : 6, приведенному Вульфстаном.

Поддержка в суде, во всяком случае, в более позднее время, необязательно должна была укладываться в указанные математические выкладки. Известен случай, когда архиепископ Дунстан обеспечил себе поддержку «тысячи верных людей», принесших клятву в его пользу [10, р. 84–87]. Необходимость иметь за спиной как можно большее количество соприсяжников (равно как и членов свиты, воинов и т. п.) подстегивала лордов к распространению своего покровительства. Ф. Мэйтленд писал по этому

поводу: «В тот жестокий век счастлив был тот лорд, у которого было много людей, могущих защитить его клятвой» [11, p. 72–73].

Согласно законам Инэ, убийца, помимо вергельда своей жертвы, должен был уплатить сумму, называемую «*manbot*», ее патрону. Размер этого платежа был не слишком велик (до 120 шиллингов) (Ine, 70) [3, S. 118], но зависел, как считают Ф. Мэйтленд и С. Бакстер, от статуса патрона [11, p. 70; 12, p. 400–401], что давало его людям дополнительные гарантии защиты. Такой же гарантией была защита при помощи как формальных, так и неформальных методов в случае уголовного преследования и судебных разбирательств. Состояние источников позволяет увидеть действие таких механизмов, как это продемонстрировал С. Бакстер, на практике только для сравнительно позднего периода (с середины X в. и до составления «Книги Страшного суда» в 1086 г.) [12, p. 401–417], но опять-таки намек на это есть и в законах Инэ (Ine, 50; 54) [3, S. 110–114].

Из немалого количества казусов, демонстрирующих их, подробно остановимся на том, где мы видим скорее злоупотребление коммендацией, чем использование ее для сдерживания и наказания преступника. «Книжица епископа Этельвольда», источник, созданный в 970–980-е гг., поведала нам любопытную историю проживавшего около Кембриджа священника Этельстана [4, с. 192–193]. Он был обвинен в хранении краденных вещей. За него вступился его родственник по имени Херольф, тоже священник, который при помощи драгоценностей, хранившихся в его церкви, подкупил герефу Вульфстана и епископа Оскетилиа, чтобы те избавили Этельстана от ответственности. Спустя некоторое время, уже после смерти Херольфа, Этельвольд, епископ и покровитель крупнейшего монастыря этого региона Или, поспешил обвинить Этельстана в присвоении церковной утвари, той самой, которая ушла на взятки за избавление его от ответственности. Сделано это было с целью завладеть земельными владениями, принадлежавшими церкви Этельстана. Священник «понимал, что своими собственными силами с епископом ему не тягаться, [поэтому] он обратился за помощью к Вульфстану, сделался его человеком (*homagium sibi fecit*) и пообещал, что он продаст ему [спорную землю] за такую цену, которую он сам назначит, [и, таким образом] обеспечил себе поддержку с его стороны против епископа Этельвольда». Вплоть до смерти Вульфстана Этельстан был в недосягаемости для епископа, потом же в обмен на отказ от иска по поводу присвоенных сокровищ он передал спорное имение епископу (очевидно, что Вульфстан получил на него права пожизненные, но не наследственные; так что продажа ему земли была по сути средством защиты собственности от исков третьих лиц). От-

метим при этом вслед за Ф. Мэйтлендом, что англосаксонская коммендация не создавала поземельных отношений и не была их следствием; лорд не имел никаких прав на землю своего человека [11, p. 70], поэтому в данном случае Этельстан ее продал, а не передал, хотя и с условием возврата ему ее после смерти покровителя-покупателя.

Разумеется, такой уровень защищенности, который давала коммендация, не мог не притягивать массу алчущих ею воспользоваться. Равно как те, кто даровал свое покровительство, стремились умножить число своих людей. К моменту составления «Книги Страшного суда» эти два встречных желания привели к тому, что даже члены одной и той же семьи могли иметь разных патронов, не говоря уже о соседях по селению или сотне.

По-видимому, уже во времена Инэ (Ine, 50) существовала обязанность патронов «удерживать от злодеяний» лиц, относившихся к его домовладению (*inhiwan*), за что первые получали часть уплачиваемых ими штрафов [3, S. 110–112]. Но если в законах этого короля данное обстоятельство упомянуто лишь вскользь, то для законодательства конца IX – начала XI в. это одна из центральных тем.

Если ранее связь патрона и клиента (как свободного, так и несвободного) носила, насколько мы можем судить, добровольный характер, то теперь она устанавливалась силой государственного принуждения. Юридической основой для него служила клятва верности, которую каждый взрослый (т. е. старше 12 лет) подданный короля должен был приносить своему монарху. Формулировку клятвы мы находим в декретах Эдуарда Старшего («любить то, что он любит, и отвергать то, что он отвергает» (II Ew., 1)) [Ibid., S. 140] и Эдмунда («чтобы все поклялись во имя Господа... в верности королю Эдмунду, так как человек должен быть верным своему господину, безо всяких оговорок и исключений, явно и тайно, и любить то, что он любит, и не желать того, что он не желает...») (III Em., 1)) [Ibid., S. 190], но ясно, что она существовала еще при Альфреде. Так, в первом титуле основной части «Книги законов» Альфреда сказано: «Во-первых, мы учим, что более всего необходимо, чтобы каждый человек тщательно выполнял свою клятву и свое обязательство» (Af., 1) [Ibid., S. 46]. Как предполагает С. Бакстер, в правление Эдуарда Исповедника принесение таких клятв фиксировалось письменно, и задача эта была возложена на королевских должностных лиц (гереф, шерифов) [12, p. 404].

Однако этого было мало: теперь закон предписывал, чтобы каждый нашел себе поручителя в лице кого-то из представителей знати, непосредственно находившихся на королевской службе. Так, в одном из декретов короля Этельстана (924–939), изложение

которого дошло до нас в составе «Устава гильдии мира Лондона», сказано, что епископы, элдормены, гереды и *все тэны короля* (курсив наш. – А. З.) обязаны взять с тех, кто им подчинен, ручательство в соблюдении мира, иначе герефа терял должность и платил штраф королю в 120 шиллингов, и «половину того каждый из моих тэнов, кто владеет землей» (VI As., 11) [3, S. 182]. О том, что только взятый на поруки человек, может считаться благонадежным, ясно говорит пассаж их законов короля Эдгара: «И каждый человек пусть найдет себе поручительство, и пусть поручительство держит его и заставляет исполнять право» (III Eg., 6) [Ibid., S. 202]. Поручителями могли выступать и люди невысокого социального статуса, если они были объединены в клятвенные союзы (сотни и десятки), сформированные на принципе круговой поруки. В кодексе Кнута Велико-го говорится: «И мы желаем, чтобы каждый свободный, если он старше двенадцати лет, был зачислен в сотню и в десяток, если он хочет иметь право на очищение и на вергельд, если кто-либо его обвинит; или же не будет он иметь никаких прав свободного. Будь то владелец очага или [его] клиент, каждый должен быть зачислен в сотню и взят на поруки, и пусть поручительство держит его и заставляет исполнять право» (II Cn., 20–20a) [Ibid., S. 322]. Что ожидало человека, не имевшего поручителей, мы видим из пассажа одного из указов Этельстана: «Тот, кто часто и открыто обвинялся в воровстве и должен подвергнуться ордалии и будет ее посредством признан виновным, должен быть убит, если только его родственники и его господин не выкупят его, заплатив за него его вергельд и полную стоимость украденного, а впредь пусть будут поручителями за него, что он будет воздерживаться от любых злодеяний» (VI As., 1.4) [Ibid., S. 174]. Таким образом, коммендация была приспособлена для нужд сдерживания преступного поведения и обеспечения ответственности в обществе, где государство имело еще слишком мало иных принудительных средств.

Воронежский государственный технический университет

Золотарев А. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии

E-mail: antoniusaurelian@mail.ru

Тел.: 8-920-464-73-34

Таким образом, возникнув из архаического социального института патроната-клиентеллы, англосаксонская коммендация оказалась востребована в обществе с развитым крупным землевладением как средство распространения политического покровительства, выстраивания отношений, которые можно назвать феодальными (но без поземельной их составляющей), а также была встроена в систему управления и поддержания правопорядка в таком относительно развитом государственном организме, каким была Англия накануне нормандского завоевания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. – М., 1965. – Т. 7.
2. Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte: 2. Aufl. – Bd. II. – Berlin, 2012.
3. Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann. – Bd. 1. – Halle, 1903.
4. Книжица епископа Этельвольда / пер., предисл. и прим. А. Ю. Золотарева // Средние века. – 2008. – Вып. 69, № 3. – С. 159–201.
5. An Anglo-Saxon dictionary / J. Bosworth and T. N. Toller. – Oxford, 1898.
6. Шкунаев С. В. Община и общество западных кельтов / С. В. Шкунаев. – М., 1989.
7. The Anglo-Saxon chronicle / ed. and transl. by M. Swanton. – N. Y., 1998.
8. Williams A. The world before Domesday : the English aristocracy, 900–1066 / A. Williams. – L. ; N. Y., 2008.
9. Molyneaux G. The formation of the English kingdom in the Tenth century / G. Molyneaux. – Oxford, 2015.
10. Anglo-Saxon charters / ed. and transl. by A. J. Robertson: 2nd ed. – Cambridge, 1956.
11. Maitland F. W. Domesday Book and beyond. Three essays in early history of England / F. W. Maitland. – Cambridge, 1897.
12. Baxter S. Lordship and justice in late Anglo-Saxon England : the judicial functions of soke and commendation revisited / S. Baxter // Early medieval studies in memory of Patrick Wormald / ed. by S. Baxter et al. – Farnham, 2009.

*Voronezh State Technical University
Zolotarev A. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History and Political Science Department
E-mail: antoniusaurelian@mail.ru
Tel.: 8-920-464-73-34*